

Смирнова Софья

9 класс, 232 школа, Санкт-Петербург

Рецензия на спектакль «Город. Женитьба. Гоголь», театр им. Ленсовета

Спектакль «Город. Женитьба. Гоголь» стал для меня первым спектаклем Юрия Бутусова. Честно признаться, моё представление о пьесе Гоголя было совершенно иным до просмотра ее в постановке этого режиссера. Я смотрела гениальную классическую экранизацию «Женитьбы» Виталия Мельникова, но выйдя на Владимирский проспект поздно вечером после спектакля, я пребывала в полнейшем экстазе и хотела кричать от восторга и того, как «круто» – именно круто – все это было «закручено», и крутым виражом пущено с горы в зрительный зал.

Спектакль этот – о счастье, о мечтах, о их недостижимости. Здесь главным становится «фирменный» бутусовский прием – собрать единое целое из множества небольших разрозненных этюдов, нанизанных, как бусины, на одну ниточку. Спектакль «Город. Женитьба. Гоголь» – это плод постмодернистского Видения и способ мышления режиссера. Спектакль, безусловно, о современности, о нашей с вами жизни, но при этом опирается на вечный гоголевский текст. С самого начала развитие действия происходит в совершенно абсурдном ключе, и после первого акта зал немного пустеет. Совершенно «неклассические», и даже шокирующие приемы кажутся сначала полнейшим сумасшествием и хулиганством, желанием продемонстрировать зрителю набор экстраординарных, ранее невиданных «фокусов», но чем дальше, тем больше каждый из актерских «выходов» подкупает убедительностью образов и раскрывает тайные авторские «смыслы». Бутусов соединяет в образах героев их сатирическую, лирическую и трагикомическую сторону. То, что кажется нам смешным, – одновременно ужасно печально и трогательно. Так, «Город. Женитьба. Гоголь» – конгломерат множества сцен, перемешанных между собой, разбросанных по всему действию, зачастую несвязанных друг с другом ничем, кроме как

общей идеей. Сцены нарочито контрастируют темпом действия, музыкальным ритмом, крик сменяет шепоты, гремущая музыка обрывается звенящей тишиной. В спектакле использованы тексты других авторов – Достоевского, Пушкина, Цветаевой, отрывки из других произведений самого Гоголя. Но, тем не менее, всё это сливается в единую цельную картину мира, которую хотят показать нам создатели спектакля. Видя перед собой это произведение искусства, зритель, чьи нервы напряжены, то убаюканный нежной мелодией, то, испуганный ярким светом, испытывает восторг и вдохновение, страх и недоумение, то готов хохотать, то проливать слезы жалости и умиления.

Для петербуржцев, на мой взгляд, спектакль оказывается наиболее близким. Боже мой, какой же здесь Петербург! Он парадный и банальный, пугающий и лиричный. Петербургскими мотивами пронизана вся ткань спектакля – плеск волн и крики чаек, множество узнаваемых деталей – зонтики, промозглый ветер, тусклые фонари. Чудо как хороша сцена, где все, затаив дыхание, слушают прогноз погоды, или та, где Балтазар Балтазарович (Александр Новиков), «большой аматёр со стороны женской полноты», в своих мечтах ест пышки с Агафьей Тихоновной (Анна Ковальчук), посыпая ее, как горячую петербургскую пышку, сладкой сахарной пудрой, а потом, как будто танцуя, переступает с нею через широкие, как залив, петербургские лужи.

Необыкновенно, иронично и узнаваемо изображение зимы в Питере: мёрзнувшие «Петр I» с «императрицей» фотографируются с зеваками и туристами. Финальная сцена с разведением мостов и вовсе выворачивает наизнанку – таким родным кажется этот момент: взгляды актеров, горящая красная лампочка на «мосту», кораблик, который Иван Павлович (Сергей Мигицко) вытаскивает из своего чемоданчика, и, главное, – спинки кроватей на заднем плане, изображающие, как мне кажется, петербургские дома.

В этом городе живут одинокие люди, которые мечтают, которые ищут свое заветное счастье. Агафья Тихоновна (Анна Ковальчук) «из своих чувств» нарезает белую бумагу – снег; переполненную эмоциями и мечтами, её заматают в белый петербургский сугроб. Этот город поглощает героев, околдовывает их, замораживает и отогревает.

И всё же спектакль-то о женитьбе. О желаниях, смутных и явных, о поисках и мечтах о счастье. Но можно ли достигнуть столь желанного счастья в браке? Этот вопрос, центральный в пьесе Гоголя, остается важнейшим и в спектакле. Это, безусловно, вечный вопрос, ответ на который и Гоголь, и Бутусов оставляет зрителям. Поднятый на гротескную, почти абсурдную высоту, он остается без ответа. Трое женихов – Иван Павлович Яичница, Никанор Иванович Анучкин (Евгений Филатов) и Балтазар Балтазарович Жевакин – точно уверены в том, что женитьба принесет им счастье. Для каждого оно свое. Одной из самых пронзительных сцен в спектакле является та, в которой Иван Павлович рассматривает «хорошенько еще раз всю роспись» и, сидя за столиком, из своего чемоданчика, который он всюду с собою таскает, достает поочередно маленькие куколки и домики – «приданое невесты». С какой любовью он выставляет их всех в ряд, с каким упоением смотрит на них. Это и есть его мечта: то, как он хочет устроиться в этой жизни, его сокровенная фантазия о семейном счастье. Никанор Иванович всё повторяет, что жена его должна знать французский, хотя если подумать – на кой черт это ему? Сам он признается, что языком этим не владеет, но вот уж невеста непременно должна знать. И, как уже было сказано, мечтой Балтазара Балтазаровича становится образ полной и «сладкой», как пышка, женщины, которая будет есть с ним «петербургское блюдо» и беспечно проводить время. Но на вопрос «будет ли в действительности замужество счастьем?» ответа всё еще не дано. Бутусов в спектакль вставляет ряд выдуманных сцен, в исполнении двух самых загадочных персонажей, словно бы витающих над происходящим духов –

Ильи Фомича Кочкарева (Сергей Перегудов) и Арины Пантелеймоновны (Евгения Евстегнеева), наделенных явно демоническими чертами. То они – двое супругов, которые прыгают на кровати, ругаются гоголевским текстом, то обнимаются, то отталкивают друг друга, как бы переживая вместе целую жизнь в постоянном желании расстаться, и в неспособности сделать это. Так значит это и есть то «счастье», которое ждут герои пьесы... да и вообще все мы? Дело всё в том, что никто так и не сможет узнать это. Агафья Тихоновна после долгих раздумий – «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича» – и советов Кочкарева «Да возьмите Ивана Кузьмича» решается броситься в пучину неизвестности. «Злой дух» Кочкарев их фактически сводит, чуть ли не насильно заставляя Подколесина жениться. Казалось бы – вот, счастье уже стоит перед тобою, но до того оно реально, что страшно ухватить. Иван Кузьмич, произнося, что он непременно желает, чтобы венчание было сей же час, прыгает в окно и будто пролетает несколько этажей. Бежит он от счастья или горя – сам не знает, но он прячется от несущихся ему навстречу перемен. Страшно же – только что был холостым, и вот уже ты женат.

Но что делает спектакль «Город. Женидьба. Гоголь» таким «гоголевским»? Бутусов в нем развивает, буквально «взвинчивает» гоголевскую тему о маленьком человеке. Каждый персонаж в пьесе оказывается значимым. У каждого есть свои мечты, свои идеалы, свой маленький уютный мир. Как ни странно, зритель со страхом узнает себя в этих героях, в этих нелепых женихах, поющих советские застольные песни, в комичной, глуповатой невесте, мечтающей о лучшей жизни, и даже в Илье Фомиче, лезущем на стену от неуголимого, страстного желания осчастливить своего друга и тем отомстить ему за собственные разочарования. Комические стороны героев переплетаются с их лирическими, и потому они оживают на

наших глазах, даже в абсурдных, доведенных до безумия сценах. Мы смеемся над нелепостью персонажей Гоголя и Бутусова, но в тоже время верим в то, что они – это мы, точно так же живем, влюбляемся, женимся, так же страдаем и так же мечтаем.